

— Когда 19 июня 1998 года на сцене Большого зала консерватории Ростропович вручил вам Гран-при «Слава/Глория», Альфред еще был жив, но тяжело болен. На концерте по поводу вручения была впервые исполнена его последняя — Девятая — симфония. Вы плакали...

— С созданием этой симфонии связан последний период жизни Альфреда. Существует множество всевозможных домыслов, даже опубликованных, как это парализованный композитор и вдруг написал целую симфонию?! (После третьего инсульта у него действовала только левая рука.) Это был подвиг и... его гениальность. Альфред написал симфонию от первой до последней ноты сам. Какие-то страницы были написаны разборчиво, какие-то графически. Я сама попыталась писать ноты левой рукой, чтобы понять его ощущения. Я — здоровый человек, но, боже, как же мне было трудно. А у него была нарушена координация после третьего инсульта, но мысль работала пронзительно ясно.

Он всегда писал очень быстро и сразу партитуру. То есть слышал инструментальную в момент сочинения внутренним слухом. И больной он писал так же быстро — поэтому появилась необходимость в графическом обозначении музыки.

— Недавно Борис Покровский необыкновенно просветленно вспоминал об Альфреде Шнитке. Даже о его смерти он говорил без горечи. Я позволю себе спросить вас: о чем вы думали после ухода мужа?

— Альфред умер в больнице. Когда после похорон я вернулась в нашу квартиру в Гамбурге, я почувствовала, что никому больше не нужна, потому что не нужна ему... Я открыла дверь и поняла, что он больше меня не ждет. Когда у него умерла мама, он мне сказал: «Теперь ты для меня и жена, и мама...» Мне было необходимо о нем заботиться и чтобы меня понимали так, как только он один умел... Но у меня остались его сочинения, его музыка и воспоминания.

Первый период его непризнания в России был мучительным. Я видела, как он страдает. Первая симфония была вехой в жизни Альфреда. Он ее писал несколько лет, потому что его отвлекала работа в кино, которое он просто возненавидел в этот момент. 1970, 1971, 1972 годы были тяжелые. Мы наконец уехали от мамы с папой. Нужно было выплачивать пай за квартиру. Мы наделали долгов. Трудно было... Я работала педагогом в музыкальной школе. Следующий огромный этап — Вторая, Третья и Четвертая симфонии, которые я люблю больше всего. После них пришлось международное признание.

— Может быть, работай он меньше, он продлил бы свою жизнь?

— Наблюдая за многими экстраординарно одаренными

людьми, которых пришлось встретить, я пришла к выводу, который покажется вам странным: талант или гений, которым обладают некоторые люди, позволяет им в процессе творчества восстанавливать свои силы. Ростропович никогда не отдыхает. Альфред беспрерывно работал и очень мало спал. Он не выносил пассивного отдыха. Его болезнь носила генетический характер. Он был готов к испытаниям. Он только очень спешил, хотел как можно больше сделать.

— Я помню случай, когда Альфред снял исполнение своего квартета с концерта, который был организован вместе с выставкой авангардных художников на Кузнечком мосту в середине восьмидесятых. Тогда музыку Шнитке исполняли, но на неофициальных концертах. Я поняла, что его не устроило качество интерпретации, что он не мог позволить исказить замысел произ-

Ирина ШНИТКЕ:

ОН ХОТЕЛ ЗВУЧАЩЕЙ ТИШИНЫ

ведения. Но исполнители чуть не плакали. Как это увязывалось с его природной деликатностью?

— Альфред был не мягкий человек, а интеллигентный. Это разные вещи. Он никогда не шел на компромиссы в творчестве. В середине семидесятых в Воронеже был объявлен концерт из произведений Альфреда с дирижером Николаевским и солистом Лубоцким. Концерт был запрещен. На афише было приклеено: «По болезни исполнителей». Тогда все трое — автор, дирижер и скрипач — надели фрак и встали перед афишей. Публика проходила мимо них, читала афишу и останавливалась в молчаливой солидарности... Предельно смелая по тем временам акция протеста.

— Вообще именно публика, которая приходила слушать «авангардного» Шнитке в большие и маленькие залы учебных заведений и научно-исследовательских институтов в 60-х, 70-х, 80-х годах, была особым явлением русской культуры. Вас не разочаровала публика в Европе?

— В Германии я мечтаю, чтобы приехал Григорий Фрид, который десятилетиями ведет Клуб камерной музыки и потратил еще двадцать лет жизни, чтобы попытаться воспитать публику. В Гамбурге очень спокойно жить, но художнику скучно. В девять часов на улице никого нет. Живут, чтобы работать и кушать. Соответственно и публика настроена на пассивное услаждение мотивчика. На концерт

они приходят отдохнуть. Нам этого не понять. Такого круга интеллектуалов, который был в России в те годы, никогда и нигде больше не будет. Это была особая среда для творчества.

— Вы никогда не огораживали Альфреда от общения с людьми во имя работы?

— Только в момент творчества. Первой «жертвой» стал наш сын. Постоянное «не кричи», «не шуми», «не дыши» — папа работает. Но вечера редко проводили дома. Ходили на концерты, в театры, в гости. В Германии нам этого катастрофически не хватало.

— Ваш сын учился музыке. Когда ему было десять лет, он великолепно импровизировал на рояле и клавесине. Потом была гитара, рок-группа «Центр», писал стихи, занимался фотографией и работал в журнале «Знание — сила». Потом резко ушел в биохимию. Как сложилась его судьба?

— Я теперь точно знаю, что для мамы лучше, чтобы ребенок был обыкновенный. Если одаренность сразу в нескольких направлениях, человека начинает кидать от одной сферы деятельности к другой.

— Альфред давал Андрею какие-то отеческие советы?

— Альфред был очень деликатный отец. Он только отвечал на вопросы. Когда он услышал, что Андрей начал сочинять музыку для кино, у него появились слезы на глазах. Потом были звонки по телефону: «Папа, какая самая высокая нота у валторны?» Альфред отвечал, но советовал взять учебник инструментальной Римского-Корсакова и проштудировать. Сын написал музыку к нескольким фильмам. Для меня очень дорого то, что у

Андрея с отцом есть несколько совместных работ. Конечно, они писали музыку совершенно автономно, предварительно распределив номера. Но на премьерах выходили кланяться вместе.

— Для вас это были самые счастливые минуты в жизни?

— Нет. Самая счастливая минута была, когда они вышли во Франкфурте на сцену. Альфреду уже было очень тяжело подниматься. Андрей шел на шаг сзади отца, незаметно для публики помогая ему.

— Альфред менялся с возрастом и испытаниями болезнью?

— Последние годы меня особенно восхищало в Альфреде то, что он до последнего дня старался быть лучше. Еще благодарней, еще терпимей. Всех понять и простить. Бесконечное очищение души.

— Уезжая в Германию, вы строили планы остаться там навсегда? По вашим предыдущим поездкам вы представляли себе, какие испытания вас ожидают?

— Нас очень долго никуда не пускали. Впервые мы поехали на фестиваль в Польшу, потому что другие композиторы не захотели поехать. Несколько раз мы ездили в ГДР. Альфреду не разрешали ездить в Западную Европу. Я один раз была в Лондоне по приглашению своей школьной подруги. Я поняла, что представление о мире, которое в нас воспитала советская власть, не желая того, — заблуждение. Помните, как мы все были убеждены, что где-то существует призрачный идеальный мир? На самом деле мы убедились, что у них и те же проблемы, что в России, и свои собственные, исторические.

— В Гамбурге Альфреду Шнитке предложили место профессора. В деловом плане все складывалось на редкость удачно. То, что происходило в этот момент в Москве, повлияло на ваше решение остаться в Германии?

— В первый год мы приезжали в Москву чуть не каждый месяц. Это было время до пуга, но в воздухе уже носилась крайняя тревога. Постепенно стало просто опасно. Только и слышно было: такого-то избили, обокрали, убили. Летом у мужа случился второй инсульт.

— Вы останетесь в Германии или вернетесь в Россию?

— Мой сын хотел вернуться и, когда мы ехали хоронить Альфреда в Москву, предлагал взять билет в один конец. Я пока останусь в Германии. Я могу там заниматься на том самом рояле, который при жизни Альфреда поставила в противоположный конец квартиры, чтобы не мешать ему сочинять и слушать музыку.

— Альфред Шнитке получил гражданство Германии, а вы сами сохранили российское гражданство?

— Альфред подал на гражданство по происхождению (его отец родился во Франкфурте-на-Майне, а мать была немкой). Сначала ему давали немецкое гражданство взамен русского, а мне никакого. Тогда Альфред написал письмо, в котором заявил, что никогда не откажется от российского гражданства, потому что вся его жизнь связана с Россией и он не понимает, как может иметь разное гражданство с женой, с которой прожил всю жизнь. Ответ пришел в ноябре, в мой день рождения, когда мы были в Москве: нам обоим дали двойное гражданство.

— На Западе оказалась знаменитая тройка музыкальных диссидентов, произведения которых многие годы подвергались гонениям в России. Это Софья Губайдулина, живущая в Германии, признанная во всем мире, скончавшийся два года назад, награжденный многими французскими премиями Эдисон Денисов и сам Альфред Шнитке. Как он относился к своим товарищам по «борьбе» за музыкальный прогресс?

— Союзу Губайдулину Альфред ценил за талант и был к ней трогательно внимателен. В жизни все трое не были близкими друзьями. Были встречи, даже ссоры. У них не только разные натуры, но разные подходы к жизни.

— Для чего бы Альфред не писал, его музыка входила безо всяких оговорок в разряд «чистой» музыки — музыки концертных залов. Какие работы для кино он сам ценил выше других?

— Работы с Ларисой Шепитько и Элемом Климовым: «Ты и я», «Агонию». Никто не помнит, что первым режиссером, который его пригласил работать в кино, был Таланкин — в фильме «Вступление». Я вдруг услышала, как он играет на фортепиано темы к этому фильму. Они были чистыми и наивными по сравнению с тем остросовременным языком, которым он писал в тот период. Какой-то удивительный светлый мелодизм.

— Какие фильмы вами особенно любимы?

— Экранизации: «Маленькие трагедии», «Дядя Ваня», «Чайка», «Мертвые души», «Отец Сергей». Работы со Швейцером, Роммом, Хржановским в мультипликации.

— Ваше личное творчество — игра на рояле?

— Не только. Ведь то, как мы проживаем каждый день нашей жизни, зависит от нас.

— Вы реализовали свой талант рядом с Альфредом?

— Я не играла после замужества, чтобы в нашей маленькой квартире не звучала посторонняя музыка, которая могла помешать Альфреду сочинять. Я сразу заметила, что он уходит, когда я начинаю заниматься. Через много-много лет я начала играть снова. Однажды после концерта в Гамбурге, на котором я играла его фортепианную сонату, он вернулся домой грустный и сказал, что чувствует себя виноватым в том, что я так долго — сорок лет — не занималась своим делом. «Твое дело было всю жизнь играть на фортепиано», — сказал он. Я ответила, что согласилась бы и на худшее, чтобы услышать от него эти слова.

— А раньше он не замечал вашей неудовлетворенности?

— И да, и нет. Он спрашивал меня иногда: «Что с тобой?» Но я чувствовала, что ради своего предназначения сочинять музыку он может отказать от чего угодно. Я была согласна, что настоящий творец должен быть таким, что дело не в эгоцентризме, а просто нельзя иначе. Это сильнее его самого. Значит, я должна уйти. А я не хотела уходить. Я хотела быть с ним до конца...

● Виктория ГАНЧИКОВА
Париж

Шнитке
Альфред

1.11.99.